

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Жарков В.П., Малахов В.С., Симон М.Е.,
Летняков Д.Э.**

**Отношения России и Запада:
как проблема политической теории**

Москва 2017

Аннотация. Данная работа посвящена политико-теоретическому аспекту проблемы взаимоотношений России и Запада. Существующие противоречия и конфликты, а также пути их разрешения рассматриваются в контексте классических подходов, релевантных для современных теорий международных отношений, представленных в мировой академической практике. Ключевые вопросы, связанные с проблемой отношений Россия – Запад, рассматриваемые в исследовании: ценностные различия, анархическое устройство международной политики, роль геополитики, Европа и российская идентичность, возможные пути восстановления доверия.

This paper is devoted to the political and theoretical aspects of Russian-Western relations. Existing contradictions and conflicts, as well as ways to resolve them are considered in the context of the classical approaches that are relevant to the modern theories of international relations, represented in the World academic practice. Key issues related to the general issue of Russian-Western relations, considered in the study were differences in values, the anarchical nature of international politics, the role of geopolitics, Europe and the Russian identity, possible ways to restore trust in negotiations and relationship.

Жарков В.П. старший научный сотрудник центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Малахов В.С. директор центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Симон М.Е. старший научный сотрудник центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Летняков Д.Э. научный сотрудник центра теоретической и прикладной политологии ИОН Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2016 год

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
1. Глобальные ценностные разногласия	5
2. Существует ли «новый мировой порядок»	10
3. Геополитика и национальные интересы	16
4. Российская идентичность и Европа	21
5. Пути восстановления взаимопонимания и доверия	30
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	49

Введение

Настоящая работа посвящена политико-теоретическому аспекту проблемы взаимоотношений России и Запада. Важное место в содержании отведено актуальной проблеме выстраивания идентичности России как государства, получившего свой суверенитет в результате распада Советского Союза и одновременно являющейся его правопреемницей. Эта двойственность российской идентичности последних двадцати пяти лет во многом определила ее внешнеполитическое поведение, включая текущий кризис в отношениях с Западом. В результате окончания холодной войны и распада Восточного блока Россия обрела собственную субъектность на международной арене, но вместе с тем она получила основания чувствовать себя побежденной в противостоянии двух систем. Холодная война заканчивалась эйфорией, связанной с неожиданной быстротой и легкостью ее завершения, на этом фоне нерешенными оставались большинство проблем в международной политике, накопившихся к 1980-м годам. Радость надежд омрачалась горечью новых конфликтов регионального уровня, политической и экономической нестабильностью, разочарованием в честности намерений партнеров и т.п.

Стремительное окончание холодной войны в историографии прочно связывается с распадом советского блока и СССР как его ядра и основной силы. «Если считать с момента вывода войск из Афганистана, демонтаж советской (и одновременно классической российской) империи занял всего 34 месяца», – пишет Д.В. Тренин [1; с. 30]. Отечественные авторы, как и их зарубежные коллеги, привыкли рассматривать СССР в качестве второго мирового полюса, определявшего ход международных отношений после окончания второй мировой войны. Его исчезновение в качестве одного из двух определяющих элементов системы международных отношений, по мнению, А.Д. Богатурова, «можно считать завершающим событием послевоенной эпохи», когда «биполярная структура международных отношений разрушилась», а «Ялтинско-потсдамский порядок перестал существовать». [2; с. 333]. Поскольку один из сопоставимых по силе и влиянию полюсов исчез, в мировой политике исчезла классическая биполярность. Однако поскольку Россия оставалась единственной страной, обладающей потенциалом уничтожения США, «это определило ее особое положение» [2; с. 333].

Отношения 1990-х характеризовались двумя тенденциями. Западные наблюдатели в качестве потенциальной угрозы рассматривали возможную «реимпериализацию» России [3; с. 48], в то время как российских авторов больше беспокоила тенденция к складыванию однополярного мира, особенно явственно наметившаяся с середины 1990-х гг. [4; с. 385]

1. Глобальные ценностные разногласия

Выступления В.В. Путина [4] и Б. Обамы [5] на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2015 г. интересны не только с точки зрения прогнозов развития российско-американских отношений и мировой политики в целом. Две эти знаковые речи, пожалуй, наилучшим образом продемонстрировали суть тех разногласий, которые существуют сегодня не просто между двумя мировыми лидерами, но между теми мировоззренческими системами, которые они представляют. Стоит оговориться: речь не идет о каких-то непреодолимых «цивилизационных различиях» и даже не о разных ценностях. Нет, все-таки, скорее, мы имеем дело с внутренним спором, строящимся на общих нормативных основаниях, в рамках одного культурного пространства.

Полемика идет практически в одних и тех же терминах, так что впору говорить не столько о разных языках, сколько о разных диалектах. И В.В. Путин, и Б. Обама, говорят о необходимости мира, стабильного развития, о многообразии свободы выбора, сетуют на очередной кризис фритредерства, на угрозу терроризма, волнуются о Ближнем Востоке, негодуют по поводу запрещенной не только в России группировки «Исламское государство», твердят о необходимости международной кооперации, сотрудничества с целью преодоления анархии и хаоса. Оба президента не забыли упомянуть о роли политических институтов — какой же политик мирового уровня обходится теперь без этого. Даже проблема изменения климата, угроза глобального потепления в обоих случаях нашла достойное себе отражение — ближе к концу. Что еще более занятно, президенты двух сверхдержав, которые в последние полтора года, на фоне войны на Украине, едва не скатились ко временам Карибского кризиса, каждый по-своему критикует реалистический подход к международным отношениям. Б. Обама скептически смотрит на политику силы, которая, по его словам, была присуща многим распавшимся империям прошлого, что, как предполагается из контекста его речи, не спасло их от закономерной гибели. Путин с сожалением констатирует возвращение эгоизма во внешней политике государств, что грозит регрессом международной системы, симптомом ее возвращения к временам больших войн до образования ООН.

Почему же, используя если не одинаковую, то довольно схожую политическую риторику, российский и американский президенты не могут договориться? Почему они не готовы воспринимать аргументы друг друга?

Пожалуй, спор Б. Обамы и В.В. Путина еще войдет в историю. Будущее покажет. Но уже сегодня его вполне можно использовать как практический кейс в изучении классических основ политической теории Нового времени.

Каков едва ли не центральный тезис речи российского президента? Государство, его институты есть главная и единственная реальная гарантия мира, стабильности, безопасности, отсутствия насилия и массовых правонарушений. Там, где государство рушится, неизбежно теряется и все перечисленные гарантии. Прогресс также обеспечивается государством. Поэтому революция не может служить драйвером развития в политике и где бы то ни было. Ведь революция разрушает государство, ввергая целые народы в состояние анархии, бедствия и архаики. То есть если мы хотим мира и прогресса, мы должны беречь государство. Какое это государство, как оно устроено внутри, демократия это или режим личной власти, — вопрос в данном случае второстепенный. Получается демократия, хорошо. А там, где не получается — то ли народ не готов, то ли еще какие причины, — пусть будет просто сильная власть, лишь бы был контроль и хоть какой-то порядок. Власть в данной оптике при любом раскладе лучше, чем ее отсутствие. Отсюда ее особые права как по отношению к подданным, так и на международной арене.

Для того, чтобы понять ценностную базу подобных рассуждений, необходимо адресоваться к знаменитому «Левиафану» Т. Гоббса. [6] Характерно, что, говоря о необходимости равенства государств, как и о том, что не стоит считать своих партнеров глупее себя, президент В.В. Путин опять же использует гоббсовскую рамку, где равенство есть следствие схожести притязаний и надежд, где все люди, кто бы кем ни был, хотят примерно одного и того же, а ум лишь опыт, доступный каждому.

Почему же все эти, казалось бы, вполне рациональные аргументы нерелевантны в глазах западных собеседников российского лидера? Неслучайно Б. Обама начинает свою речь с похвалы Объединенных Наций как международной системы, позволяющей наказывать тех, кто не идет по пути сотрудничества, развязывая конфликты и войны. Уже в этой точке он начинает расхождение со своим российским визави. Т. Гоббс в качестве естественного состояния готов видеть только войну всех против всех [6], ту самую анархию, о которой говорит и Путин. Но в самом деле только ли эгоизм и соперничество движут человеком в этом мире? Иная версия предполагает, что не в меньшей степени человеческой природе

присущи потребность в любви и, как следствие, стремление к сотрудничеству. Вот простой пример: в офисе, где вы работаете, или в университете, где учитесь, с некоторых пор запрещено курить. Так повелел суверен, и вся государственная машина строго следит за выполнением данного закона. Лишь небольшой пустырь за забором остается тем местом, где закон о запрете курения не действует. Левиафан еще не дошел сюда (хотя многие поверили в недавнюю утку о готовящемся запрете курения на улицах). Но разве те, кто ходит курить на улицу, враждуют друг с другом? Напротив, помогают, угощая знакомых и незнакомых кто сигаретой, а кто зажигалкой, болтая о том о сем, заводя знакомства, отношения. Вступая в сотрудничество без всякого, между прочим, государства.

Более того, государство, состоящее, между прочим, из людей (что признает и Т. Гоббс, конечно же), не может не совершать присущих любому человеку ошибок. Суверен, кем бы он ни был, всего лишь человек. Так Т. Гоббса парирует другой английский философ, поколением моложе — Дж. Локк. [7] И если Т. Гоббс так ненавидел Английскую революцию, что уехал в эмиграцию из Англии, то Дж. Локк, напротив, будучи сыном революционера, вернулся из эмиграции на родину, чтобы эту Английскую революцию успешно завершить. Скорее, в этой — локковской — перспективе смотрит на мир и рассуждает президент Б. Обама. Всякое ли государство способно положить конец войне? Для Б. Обамы и Дж. Локка это неочевидно. Государство, основанное на несправедливости и тирании, вызывает неизбежное недовольство и сопротивление тех, кто находится под его властью. И сопротивление это, как показывает история, нельзя сдерживать бесконечно. Диктатура, вопреки, казалось бы, логичному представлению, не несет порядка, но, скорее, есть продолжение войны в новом состоянии — войны государства и подданных. Эта внутренняя война, как пожар на торфянике: внешне до поры до времени все спокойно, пока загнанный тлеющий внутри огонь не прорывается наружу. Так за фасадом, где власть суверена кажется мощной и незыблемой, скрывается ожесточенная борьба, исход которой никогда неясен до тех пор, пока государственное здание вдруг не рухнет под напором сопротивления. Именно внутреннего, а не внешнего, как это обычно кажется тем, кто привык это государство возглавлять и охранять.

Ровно поэтому Б. Обама называет диктаторские режимы главной угрозой стабильности современного мира. Отсутствие сотрудничества власти и общества мешает устойчивости государства. Видимая сила в условиях тирании оборачивается

внезапным крахом. И если государство бомбит своих подданных кассетными бомбами, убивая десятки тысяч мирных жителей, запрещая людям выходить на улицы и публично отстаивать свои права, как это делает режим Б.Асада в Сирии, такое государство ведет открытую войну со своим народом, и век его в историческом масштабе, скорее всего, будет недолог.

Для Дж. Локка, в отличие от Т. Гоббса, важно не просто наличие государства как такового, но то, какое это государство, каково его внутренне устройство, учитывает ли это государство интересы и мнение своих граждан, допускает ли их до разговора с собой, до участия в выработке и принятия законов и решений или же правит только на свое усмотрение? Как это государство смотрит на себя: как на непогрешимую высшую инстанцию либо допускает, что способно ошибаться и, соответственно, готово признавать свои ошибки? Примечательно, что Б. Обама значительную часть своей речи посвятил критике предшествующих периодов американской внешней политики, в том числе в Ираке, а его российский оппонент предпочел критиковать только других.

Спор Т. Гоббса и Дж. Локка, консерваторов и либералов, продолжается все последние три столетия и, как мы видим, не теряет актуальности по сей день. Президенты Б. Обама и В.В. Путин показали миру лишь очередной пример этой мировоззренческой полемики. Так получилось, что не только наш президент, но и большая часть России сегодня оказалась ближе скорее к гоббсовской традиции, нежели к либерализму Дж. Локка. В свою очередь, близкому большей части современного Запада. Почему это произошло?

Профессор политологии в Университете Торонто И. Студин, считает, что начало этого мировоззренческого расхождения нужно искать в недавней истории, в 1994 году. Весь мир, и Запад в первую очередь, пережил тогда шок от чудовищной резни этнической группы тутси, устроенной в Руанде представителями другого племени, хуту. В результате скорость массовых убийств в пять раз превысила скорость уничтожения в нацистских концентрационных лагерях. Огромную роль в организации геноцида сыграли, к слову сказать, средства массовой информации, контролируемые хуту газеты и радио, в течение месяцев сеявшие ненависть, призывы к насилию, приобретшему невиданные ранее масштабы. Это чудовищное событие потрясло весь мир, но, увы, осталось практически незамеченным в России, где в 1994 году хватало своих локальных проблем, начиная от шока радикальных экономических реформ и заканчивая начавшейся тогда же войной в Чечне. Из войн

федеральных российских властей с чеченскими сепаратистами, первой и второй, выросло и нынешнее понимание Россией ее суверенитета как исключительно внутреннего дела государства, любыми средствами защищающего свою целостность. [8]

В то время пока в остальном мире созрело понимание необходимости гуманитарных интервенций для защиты миллионов людей от возможных преступлений против человечности, массового нарушения прав вплоть до угрозы геноцида. Россия этого перехода не заметила, оставшись с классическим пониманием суверенитета и охраняющего его государства-Левиафана. Будет ли преодолен этот «мисандерстендинг», как говорят наши англоязычные партнеры? Сколько времени на это потребуется? Последуют ли новые жертвы? Пока на эти вопросы не может ответить никто. Хочется лишь надеяться, что новое мировое противостояние не дойдет до той точки, когда, как описывал Локк, останется апеллировать лишь к небесам. В конце концов язык спорящих действительно родственник. Значит, нужно продолжать разговор, пытаясь услышать друг друга.

2. Существует ли «новый мировой порядок»

Действия России на международной арене многие эксперты оценивают, как борьбу против глобального мироустройства, в котором нашей стране отведено неподобающее место. Лучше всего эта позиция сформулирована в одной из недавних статей Д.В. Тренина «Москва бросила вызов глобальному порядку, сложившемуся после окончания холодной войны и поддерживаемому Соединенными Штатами». [9] Публицисты доводят эту позицию до экстрима, представляя Россию в качестве коллективного оппозиционера, бросившего вызов «всемогущему Обаме». Так, между прочим, привычный для русской политической культуры «революционный дух» канализируется из внутривнутриполитической повестки во внешнюю сферу. Мы снова революционеры, и теперь уж точно в мировом масштабе.

Если без сомнений принять отправной тезис, предполагающий наличие «мирового порядка», т.е. некоей иерархии, сложившейся на глобальном уровне, где сильнейшие в состоянии управлять основными политическими процессами и отношениями, то наши новые революционеры, вероятно, оказались бы правы. Но так ли это на самом деле? Конечно, все мы помним, что в эпоху холодной войны мир выглядел поделенным между двумя сверхдержавами, США и СССР, где остальные так или иначе подстраивались в фарватер одной из противоборствующих мировых сил. Тут, правда, сразу непонятно, что делать с Движением неприсоединения, существующим с 1961 года и объединяющим в основном страны третьего мира, в т.ч. такие крупные, как Индия, ЮАР и Индонезия. К моменту окончания холодной войны организация неприсоединившихся насчитывала более 100 государств. Времена ленинской статьи «Империализм как высшая стадия капитализма», на которой выросло не одно поколение отечественных международных, давно прошли.

Большинства старых империй не существует в своем прежнем качестве, в то время как новые страны, возникшие на месте их колоний, все труднее игнорировать. Биполярный мир стремительно исчез 30 лет назад, и этот процесс начался с советско-американских саммитов в Женеве и Рейкьявике 1986 года. Экономический, политический и идеологический тупик, в котором оказался коммунистический проект, вынудил советское руководство фактически в одностороннем порядке прекратить участие в глобальном противостоянии, пойдя на беспрецедентные

уступки. Это вызвало удивление и эйфорию одновременно. Никто, однако, не был готов решать проблемы, накопившиеся в мире. Никуда не делись эти проблемы и сегодня: социально-экономическое неравенство между старыми богатыми странами и демографически растущим третьим миром, сокращение природных ресурсов, ухудшение экологии, уже тогда поднимавший голову международный терроризм. Плюс растут новые — от проблем регулирования гигантских потоков мигрантов до глобального потепления. Беспрецедентный внешнеполитический поворот Горбачева избавил мир от угрозы ядерной войны — теперь и она снова вернулась.

Кому-то могло показаться, что роль единственного мирового лидера возьмут на себя Соединенные Штаты. Однако многие, особенно на Западе, с самого начала скептически смотрели на такую перспективу. Действительно ли США — хозяева мира? Военные интервенции в различных частях мира, предпринятые после окончания холодной войны, в глазах самих американцев выглядели скорее проявлением слабости. Ведь насилие — крайняя мера, когда управлять иными способами не получается. Бомбардировки Ирака и Сербии в чьих-то глазах, возможно, могли вызывать зависть, но по своим результатам они стали провалом американской внешнеполитической доктрины последних десятилетий.

Еще в 1990-е годы историк Э. Хобсбаум признал, что в нашу эпоху мир входит в беспрецедентную для последних двухсот лет эпоху «беспорядка». Так, более двух десятков стран, обретших независимость после крушения советского блока, в отсутствие силы, способной взять на себя функции объективного третейского судьи, не получили международного механизма, гарантирующего неприкосновенность их границ. Мир совсем не избавился от войн. Начиная с 1990-х в Африке, Восточной Европе и на Ближнем Востоке возникали и возникают конфликты, часто не выглядящие как обычные войны, но приводящие к кровопролитию глобального значения. При этом внешнее вмешательство в большинстве случаев оказывается неэффективным. Очевидно и то, что относительно стабильным и обустроенным частям мира, в первую очередь Европе, все труднее отгородиться от своих менее благополучных соседей. [10; с. 558-559]

«Мировой порядок», которому бросила вызов Россия, больше не существует. Как же быть? Можно, конечно, потратить все оставшиеся силы на борьбу с «мировым жандармом», которого — и это все более очевидно — не существует в том виде, как мы привыкли представлять. Но, возможно, куда более удачным и значительным ходом с нашей стороны могли бы стать проекты международной

кооперации для решения общих проблем. Россия на самом деле имеет опыт подобных инициатив, у нее есть свой потенциал силы и, что не менее важно, — остаются симпатии, как на Востоке, так и на Западе. Все это можно использовать в построении новых моделей международного регулирования, основанных на большем равноправии, доверии и добрососедстве. [11]

В то же время Россия все еще остается частью международной системы, но испытывает серьезные проблемы с участием в том, что принято называть международным сообществом. Чтобы понять, что это значит, для начала стоит разобраться с терминами. В те самые годы, когда Владимир Путин начал свою публичную политическую и почти одновременно президентскую карьеру, профессор из Брисбена Т. Данн [12]. и другие западные исследователи обратили внимание на Золушку политической науки — Английскую школу теории международных отношений, которая показала новое направление в затянувшихся дебатах реалистов и либералов. [13, с. 138-141] Те и другие спорили и продолжают спорить о том, что в мировой политике важнее, война или сотрудничество, и можно ли, избежав новых войн, добиться «вечного мира». Ведь именно мир, а не война, если кто не в курсе, есть цель политики и изучающей ее теории.

Английская школа долго росла в тени великих концепций. Распад Британской империи, стремительно происшедший после Второй мировой войны (Англия была в ней среди главных победителей), не только ударил по самолюбию и идентичности британцев, но и поставил довольно жесткие вопросы. Что дальше? Каково место Великобритании в новых мировых реалиях? Как англичанам воспринимать себя в новом мире, способны ли они предложить какое-то свое особое описание этого мира? С конца 1950-х годов специально созданный Британский комитет по теории международных отношений, куда вошли университеты Оксфорда, Кембриджа, Лондона и Брайтона, начал проводить свои исследования, поощряя развитие самостоятельного академического направления, которое, с одной стороны, не выбивалось бы из общего контекста мировой политической науки, а с другой — находило собственные ответы в уязвимых местах теоретического мейнстрима.

Американцы, задающие тон в мировой политической науке на протяжении всех послевоенных десятилетий, своих английских коллег не замечали по меньшей мере до конца 1970-х. Некоторые ученые, причастные к формированию Английской школы, как, например, М. Уайт [14] и Х. Булл [15], успели умереть, прежде чем в конце 1990-х годов она превратилась в одно из значимых и перспективных

направлений в мировой политической теории, многие представители которого проживают далеко за пределами самой Англии – в Австралии, Европе, Канаде, США, Китае, Индии, ЮАР, etc. [13; с. 140]

Так вот центральное понятие, которым пользуется Английская школа, и есть то самое пресловутое «международное сообщество» (international society), которое впервые сразу после Второй мировой войны употребил южноафриканский исследователь и одновременно профессор Лондонской школы экономики Ч. Мэннинг [16]. Международное сообщество – не просто штамп, которым пользуется либеральная пресса, но важное понятие в описании современных международных отношений. Большинство стран мира так или иначе участвует в системе международных отношений (international system), но система эта весьма относительна и условна. Каждое государство обладает суверенитетом, и не существует никакого государства, которое бы могло объединить всех в этом мире. Следовательно, мир существует в условиях международной анархии, где государства соревнуются между собой, отстаивая собственные интересы исходя из имеющейся у них силы. Этот принцип, изначально сформулированный реалистами вслед за Т. Гоббсом, признается и Английской школой.

Здесь, однако, существует одна важная поправка: все-таки даже в этой анархической системе за последние столетия сложились некие правила, которые в современном мире не нарушает практически никто. Так, недопустимо трогать послов, даже если они явились с нотой об объявлении войны. Иностранцы, временно приезжающие в другую страну с целью туризма или бизнеса, могут делать это относительно свободно, и никто, скорее всего, не объявит их «пленниками султана». Все более-менее стараются держаться дипломатического этикета, так что, даже если кто-то привык ходить дома в одной набедренной повязке, на мировой саммит он вынужден надевать европейский пиджак и галстук. Да, правила эти сначала возникли в Европе, на Западе, а потом распространились на весь остальной мир. Однако мир, за редким исключением, не сильно переживает, что политикам и дипломатам лучше не появляться на официальных мероприятиях босиком или в лаптях. И вообще, нужно вести себя вежливо. Вот и президент России, что бы там ни писали журналисты, взял и поблагодарил австралийских коллег за хорошо организованный прием. Такова система.

Международное сообщество – следующий по отношению к международной системе уровень взаимодействия, который в Английской школе называют еще

«обществом государств». Профессор Национального университета Австралии Х. Булл определял его как группу государств, «ощущающих безусловную общность интересов, ценностей и представлений об общественном устройстве». [17, с. 131] В силу этой сложившейся общности входящие в международное сообщество страны настолько доверяют друг другу, что готовы к добровольному и разумному самоограничению в пользу общих правил и институтов, обеспечивающих и регулирующих международное сотрудничество. Благодаря этому, собственно, состояние анархии вытесняется более сложной и эффективной формой международного взаимодействия – кооперацией, о необходимости которой говорил на сочинском «Валдае» и президент Путин.

Далеко не все страны входят сегодня в международное сообщество. Его ядром, несомненно, остается евроатлантическое сообщество, куда входят США, Европейский союз, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Однако другие страны мира, за редким исключением, от международного сообщества вовсе не отгораживаются, а, напротив, стремятся к нему приблизиться, стать его полноправными участниками. И если «большая семерка» (снова без России) объединяет лидеров евроатлантического сообщества, то в G20 входят Китай, Индия, Индонезия и другие, кто в отличие от старых богатых стран относительно недавно вошел в международную систему и кто по мере собственного экономического, политического и культурного развития все ближе к полноценному участию в международном сообществе. Тут ведь нет уже никаких расовых или цивилизационных ограничений.

Соблюдение правил системы увеличивает доверие, а доверие открывает путь в сообщество. Нужно только работать. Увы, Россия – и саммит в Брисбене явственно это показал – теперь скорее за пределами международного сообщества, чем внутри него. Руки на протокольных мероприятиях пожимают по-прежнему, но доверие утрачено полностью. Так что о рисках в отношениях с Россией заговорили уже и в Пекине. На восстановление политического доверия, растоптанного в считанные месяцы, уйдут годы, если не десятилетия. Резкие заявления вряд ли помогут нашей дипломатии, хотя, конечно, могут иметь некоторый успех внутри страны.

Нет, однако, никакого сомнения, что рано или поздно Россия в международное сообщество вернется. Стремление к такому возвращению в будущем могло бы стать основой нашей национальной идеи и стратегии: быть в числе

развитых и признанных, быть среди тех, кому можно доверять, быть вместе с остальным миром, а не против него.

3. Геополитика и национальные интересы

В спорах о геополитике мы с самого начала сталкиваемся с довольно типичной манипуляцией, которую используют все любители мистики и сверхъестественного. К примеру, уфологи: сначала они спросят про существование форм жизни вне Земли и, когда вы согласитесь, что это возможно, начнут рассказывать о своем опыте общения с летающими тарелками. Геополитики, в отличие от уфологов, люди приземленные, космосом интересуются мало — все больше поверхностью родной планеты. «Влияет ли географическое положение на политику и экономику той или иной страны?» — спрашивают они нас. [18; с. 9-10] Ответ «да» известен со школы. Добавим к этому, что структура континентов остается практически неизменной на протяжении всей человеческой истории, точнее — за последние несколько тысяч лет эти изменения не были для нас существенными. И вот уже готова целая наука — о том, как не трудолюбие и ум, но одно лишь географическое положение может стать источником мощи государства. Знакомьтесь, перед нами геополитика — не просто длинное умное слово, но универсальный ключ к описанию и пониманию международных отношений.

Половина правды — основание для большой лжи. География часто имеет значение, но это вовсе не самодовлеющая величина. Конечно, когда мы оцениваем ту или иную военную угрозу, то учитываем фактор расстояния — как далеко от нас эта угроза. Однако не менее важно знать, обладает ли угрожающий нам субъект техническими возможностями, которые позволяют существующее расстояние преодолеть и нанести удар. Ровно поэтому, между прочим, Барак Обама и другие мировые лидеры считают «Исламское государство» меньшей угрозой, чем сегодняшнюю Россию. У джихадистов в Верхнем Междуречье, как бы ни были чудовищны их намерения, пока нет межконтинентальных ракет, а у России таковые остались от бывшего СССР. С ракетами и без, согласитесь, география войны выглядит совершенно по-разному. Хотя опять же, если у вас в качестве средства обороны есть хорошая система ПВО, как «железный купол» в Израиле, то радиус действия ракет уже не так страшен — враги могут запускать их хоть из соседней деревни, ни одна значимая цель все равно поражена не будет.

География не есть нечто неизменное, заданное раз и навсегда. Те, кто верит в геополитику, об этом, как правило, умалчивают. Меж тем весь опыт человечества показывает: география определяет наше развитие в значительно меньшей степени,

нежели само это развитие влияет на географию. Причем роль географического фактора в политике и экономике постепенно сокращается. Да, для того чтобы попасть в число развитых стран в античные времена, действительно лучше было находиться недалеко от Средиземного моря. Некоторые в России до сих пор сетуют, что-де не повезло нам, далеко мы от греко-римских руин, и потому не будет у нас никакого настоящего прогресса. Хотя вот Ливия — страна средиземноморского побережья, с богатыми античными корнями, но что-то не видно ее в «большой двадцатке», многие из участников которой далеки от античности и исторически, и географически.

Страны, населенные пункты и связывающие их пути — вот что обычно указывается на географической карте. И карта менялась каждый раз, когда люди изобретали новые технологии. Стоило появиться океанским парусникам, и Средиземное море из центра мира превратилось в провинцию. Миром стали править океаны, в первую очередь Атлантика, через которую происходило сообщение Европы с ее колониями в других частях света. Открыв и освоив все континенты, включая Австралию, колониальные империи XIX века стремились к все новым территориальным захватам. Государственные умы спорили, что лучше для мирового могущества: море или суша? В то время как русские прорубались к незамерзающим портам на юге, англичане мечтали о вечной мерзлоте. Рождение геополитики в Англии и других странах удивительным образом совпало с расцветом парового флота и артиллерии. Борьба за моря и континенты была подкреплена техническим прогрессом и обернулась двумя мировыми войнами. Однако карту мира изменило совсем другое: появление реактивного двигателя и уход европейцев из своих колоний.

Что общего у географии стран G20, саммит которых недавно наделал столько шума в прессе? Пожалуй, только то, что и Австралия с Бразилией, и Китай с Турцией, как и Европа с Америкой, находятся где-то на планете Земля. Кто на севере, кто на юге, у кого-то выход к трем океанам, у кого-то только к двум морям, но главное ли это? Куда важнее — доля в мировой экономике и производстве инноваций. О геополитике рассуждают в основном неудачники, в оправдание своей отсталости. Ведь для того, чтобы преуспеть в современном мире, практически не имеет значения, где вы находитесь. Куда важнее, подключены ли вы к международному банкингу, есть ли в вашей местности интернет, чтобы вести общение с партнерами в любой точке мира, и сколько минут ехать до ближайшего

международного аэропорта. Аэропорт, кстати, при наличии платежных систем и вай-фая — дело наживное. Если, конечно, вы случайно не в Антарктиде. Или если, упаси бог, среди советников вашего правительства не завелось слишком много геополитиков. [19]

Вместе с тем Независимо от нашего отношения к геополитике, профессор В. Пастухов прав в главном. Сегодняшние представители либерального лагеря в России действительно уделяют недостаточно внимания теме национальных интересов [20]. К этому лишь стоит добавить, что и в то время, когда наши либеральные реформаторы еще были главными в правительстве, а либеральная риторика доминировала в массмедиа, такие «мелочи», как развитие политических институтов или формулирование внешнеполитического курса оставались на периферии по сравнению с чисто экономическими задачами. В результате за последние два с лишним десятилетия «дискурс национальных интересов» оказался в руках «шарлатанов и параноиков» из «бродячего сапята под названием геополитика», тут уже нужно согласиться с профессором С. Медведевым [21]. Оба участника спора согласны — вызов существует. За почти четверть века, прошедшую после самороспуска СССР, Россия не сформулировала ни представления о собственных интересах в мире, ни соответствующей внешнеполитической стратегии.

Вопрос о национальных интересах, естественный для любого nation state, у нас искусственно усложнен и мистифицирован. В России об этом говорят, делая лицо факира или мага. Меж тем именно либералам под силу дать здесь рациональный и предельно ясный ответ. В основе либерального подхода лежит представление, что для отношений, как между людьми, так и между странами, вполне естественно не только состояние соперничества и войны, но и стремление к сотрудничеству. Кооперация с другими, конечно, требует от человека чуть больше усилий, чем конфликт. Для эффективного сотрудничества желательно наличие договоренностей и организационных форм, способствующих их выполнению. Поэтому на уровне мировой политики либералы обычно придают особое значение развитию международных правил и институтов. Наш внешнеполитический курс — сотрудничество с окружающим миром, особенно с теми его частями, где существуют устойчивые нормы и институты. Вот почему не только участие в ВТО, но и максимально возможное сближение с такими сильными международными структурами, как ЕС и НАТО, — важная составляющая любой либеральной повестки.

Вместо сотрудничества с ЕС и НАТО у нас, однако, теперь конфликт: они, видите ли, ударили в «солнечное сплетение российских национальных интересов», решили пойти на более тесное сближение с Украиной. Получается, что основа наших национальных интересов — это иностранное государство, член ООН с 1945 года, по территории чуть большее, а по населению чуть меньшее, чем Франция. Можем ли мы представить, что Германия объявит соседнюю Францию хоть солнечным, хоть лунным сплетением своих интересов? Как минимум однажды, кстати, что-то похожее уже было, и чем закончилось, все помнят. Или вот Эфиопия, древняя православная цивилизация Африки, между прочим, возьмет и скажет, что без Эритреи ей никак существовать невозможно. Выход к морю нужен, да и опять же Эритрея ведет себя «плохо», однажды уже сама «первая напала» из-за спорных территорий. Однако никакие геополитические конструкции не мешают внешним наблюдателям трактовать все это как кровавый международный конфликт в результате агрессии одной из сторон.

Тут очень важно понимать: важнейшие национальные интересы находятся не вовне, а внутри каждой суверенной страны. По крайней мере если их формулирует сама гражданская нация. Базовое значение в этом случае имеют свобода и процветание каждого гражданина в отдельности и страны в целом. Мы хотим жить богато и ни от кого не зависеть. Банально, но по доброй воле отказаться невозможно. Игнорировать столь естественный и понятный для всех интерес может только поставивший себя над обществом абсолютный монарх. В этом случае «жажда славы» — по Т. Гоббсу, одна из основных причин войны [8] — может оказаться во сто крат важнее любых тягот подданных. Придворные ослы и шуты придумают массу словесных трюков, чтобы объяснить амбиции своего повелителя, а бессловесные и покорные подданные станут разменной монетой в больших королевских играх. Какой ответ на все это способны дать либералы? Вместо абсолютной монархии нужна республика, где правитель не пророк и не герой, а один из граждан, временно избранный на свой пост, и где гражданский контроль позволяет избегать спонтанных и опасных для нации авантюр.

Собственно, призывы к миру — в сложившихся условиях вполне адекватный и четкий ответ людей, ценящих свободу и стремящихся к процветанию. Суверенитету и целостности России ничто всерьез не угрожает — это, кажется, признано у нас официально на самом высоком уровне. И если на нашу страну никто не нападает, нам тем более ни на кого нападать не нужно. Основной либеральный

интерес — вести выгодную торговлю, для чего нужны мир и партнерские отношения, как с соседями, так и с теми, кто в этом мире наиболее богат и развит. А чтобы никакого серьезного урона нашим национальным интересам не было, пусть лучше геополитики играют в компьютерные игры.

4. Российская идентичность и Европа

Отношения России с Европой и в целом с Западом, мягко говоря, далеки от идиллии – это сегодня общеизвестно. Намеки на потепление к кардинальным изменениям пока не привели. Обе стороны остаются в состоянии взаимного недоверия и напряжения. Вопрос об усилении российско-европейской кооперации отмены визового режима, отложены на неопределенное время. Новое обострение возможно в любой момент.

Впрочем, есть и относительно хорошие новости. Поворот в противоположную от Запада сторону носит скорее декларативный характер. Разрыв политического партнерства не привел пока к изменениям на уровне повседневной жизни (если не считать ограничения ассортимента продуктов в результате торговых санкций со стороны России). Антизападная истерия в масс-медиа не затрагивает конкретных практик людей, по-прежнему ориентированных на европейскую моду, технические достижения и бытовой комфорт, ассоциирующихся с западным образом жизни. Объявленный не так давно «поворот на Восток» с треском провалился. В Азии Россия нашла очередную войну (на территории Сирии) и нового врага (в лице Турции). При этом Пекин идти на тесный союз с Москвой не спешит, предпочитая вести Новый шелковый путь из Китая в Европу мимо территории России, через Центральную Азию и турецкий Карс. Соседний Иран постепенно выходит из-под западных санкций и планирует заняться демпингом на нефтяном рынке – вряд ли это повод для тесного союза. Меж тем, и в военной операции в Сирии, и в конфликте с Турцией Россия все сильнее нуждается, как минимум, в координации своих действий с НАТО и другими структурами евро-атлантического сообщества. Текущий конфликт России и Запада еще далеко не исчерпан. Более того, не исключены его новые раунды. Однако в среднесрочной перспективе это может привести к довольно неожиданному результату, когда очередное «возвращение в Европу» снова станет главным в политике России. Хочется верить, это, наконец, приведет нашу страну туда, где всем нам давно следовало бы оказаться.

Если отвлечься от ленты новостей, просто выйдя на улицы Москвы, то можно увидеть явное несоответствие двух картин. Меньше всего российская столица похожа на осажденную крепость, а ее жители не выглядят как люди, участвующие в войне, тем более с Западом. Кроме вызывающих все меньше доверия данных социологических опросов, нет ничего такого, что бы выдавало в русском человеке

желание «повернуться к Европе задом». Напротив, таким европейским городом, как теперь Москва не выглядела, пожалуй, никогда. Несмотря на риторику, власти наши так и не избавились от старого бремени «единственного европейца». Иначе как объяснить повсеместное насаждение велодорожек, на которые большинство обывателей реагируют с таким же недоумением, как некогда на указ брить бороды и первые петровские ассамблеи. Не говоря уж о том, что ухудшение отношений с Западом странным образом совпало с ростом спроса на преподавание на английском языке и требованием зарубежных публикаций, которыми российские ученые должны теперь отчитываться едва ли не в обязательном порядке. Россия почти воюет с Западом, но по каким образцам реформирована российская армия? Чьим «солдатам удачи» подражают наши «вежливые люди», чьи ошибки спешат повторить те, кто отправился, бомбить арабов на Ближний Восток? А кто научил наших генералов показывать журналистам российские базы в Сирии, не опыт ли американцев в Ираке? Пресловутое «Киселев-ТВ» разве скопировано с форматов массовых дешевых телеканалов в Америке и Европе? Нынешняя российская пропаганда – лишь доведенная до крайности, еще более вульгарная копия западных аналогов. Войну с Западом, таким образом, российское руководство пытается вести, опираясь на заимствованные технологии, воспринятые и понятые специфическим образом.

Станным все это может показаться лишь на первый взгляд. Если мы внимательно посмотрим на собственное прошлое, то ничего удивительного в наблюдаемом парадоксе не обнаружим. Все как раз достаточно стандартно. Более того, не исключено, что хотя бы одному из живущих ныне поколений, а может быть и всем, удастся увидеть не просто очередное, но окончательное «возвращение в Европу», которое Россия с переменным успехом пытается осуществить в течение последних едва ли не пятисот лет. Существующий конфликт с Западом может быть объяснен как естественное продолжение не прекращающейся европеизации России. Более того, его результатом станет вовсе не поворот куда-то в сторону от Запада, а, скорее всего, еще более тесное с ним сближение. Такова гипотеза, подтверждаемая на материале истории.

Исторически война с Европой для России зачастую служила способом стать Европой. Начать можно с самого очевидного примера, с реформ русского царя Петра I, которому отечественные «западники» обычно воздают должное в качестве родоначальника европеизации России. Собственно, о выходе из средневековья и

начале зрелого Нового времени применительно к истории нашей страны с уверенностью можно говорить именно с петровской эпохи. И эта новая эпоха, несомненно, связана с прорывным приближением России к Европе, что проявилось во многом: от перехода на европейский календарь и европейского платья на офицерах и солдатах до европейской науки, литературы, живописи и архитектуры, появление которых коренным образом отличает Русь допетровскую и послепетровскую Россию.

Разумеется, правы будут те, кто возразит, что петровские реформы европеизировали Россию, хотя и масштабно по сравнению с предшествующим периодом, но все равно лишь частично. [22; с. 9-12] Изменения коснулись прежде всего армии, государственного аппарата, царского двора, служилого сословия дворян и верхушки богатых горожан. Правда и то, что многие заимствованные из Европы институты, такие как рекрутская армия и централизованная бюрократическая структура абсолютной монархии, довольно скоро в наиболее передовых европейских странах были заменены на другие, в то время, как Россия оставалась оплотом «старого порядка» практически до Первой мировой войны.

Все так – европеизация и модернизация для России по-прежнему означают практически одно и то же. И то, и другое до сих пор происходит, во-первых, фрагментарно, затрагивая лишь отдельные сферы и социальные группы (с каждым разом все большие), во-вторых, путем заимствования далеко не всегда самых передовых образцов. Не менее важно, однако, другое. Те, кто превозносит роль Петра, «прорубившего окно в Европу», как и те, кто его за это осуждает, и даже те, кто видит ограниченный и незавершенный характер петровской модернизации, обычно не соотносят в единой картине два факта. Первый пример ускоренной и радикальной европеизации России происходил на фоне ожесточенной борьбы с одной из сильнейших на тот момент европейских стран. Северная война со Швецией, начавшаяся аккурат в 1700 году, продолжалась 21 год, большую часть времени самостоятельного правления царя Петра. Не для кого из историков не секрет, что наиболее важные петровские реформы проводилась под влиянием этой войны, ставшей едва ли не главным стимулом всех преобразований. Если ранее европейские новации выглядели скорее, как царская забава, то в ходе противостояния с одной из наиболее мощных европейских сил, заимствование шведского опыта, как и опыта всей Европы, стало необходимым условием

успешного ведения боевых действий. Европеизация при Петре I, как мы видим, была следствием прямого столкновения России с европейской цивилизацией.

Европейская реформа Петра не отделима от войны с Европой. Это звенья одного процесса, где амбиции участия в европейской политике ведут к столкновению с европейской силой, а само это столкновение служит драйвером ускоренной модернизации и, как следствие, Европеизации. Преодолевая изоляцию, Россия сталкивается с какой-то частью Европы или, как сегодня, с Западом в целом, но само это столкновение не отталкивает, а наоборот приближает, как минимум, на уровне восприятия опыта. Не удивительно, что итогом Северной войны и всей петровской эпохи стало более активное участие России в международных делах, в качестве одной из собственно европейских держав во главе с правящей династией и элитой, чья европейская принадлежность больше не вызывала каких-либо серьезных сомнений и возражений. Впрочем, царь Петр был вовсе не первым русским правителем, кто постучался в двери европейской политики. Станным образом «прорубленное окно» появилось примерно через два столетия после того, как состоялось первое «возвращение» России в Европу.

Несмотря на все объяснения российской исключительности никуда не девается вопрос, можно ли считать Россию частью Европы или нет. На примордиальном уровне европейская принадлежность доказывается, пожалуй, даже лучше, чем на конструктивистском. Никакой Европы в современном смысле этого слова еще не существовало, как и не существовало России в том виде, как ее описывают, что наши «западники», что «славянофилы», но равнины, переходящие одна в другую с востока на запад европейского континента, были всегда. Четкой географической границы между Европой и Россией нет и сейчас – ни океана, ни пустыни, ни слишком высоких гор. Не удивительно, что на всем этом пространстве некогда расселились преимущественно племена индоевропейцев, а чуть позже в тех же географических пределах – условно от Атлантики, сначала до Волги, а позже и до Урала – утвердилось христианство. Так что теперь Европа для китайцев начинается за Амуром, собственно у нас, в России.

Различия проявляются в частности. Если Паннония, относительно небольшая равнина на среднем Дунае, занятая венграми около 1000 года, считалась «прихожей» Европы, то восточнославянским племенам, предкам русских, украинцев и белорусов досталось место на лужайке и в саду. Просторно, но холоднее и менее защищенно. На холод, впрочем, как и на удаленность от согревающих европейскую

душу античных руин, не меньше нашего могут пожаловаться финны и шведы. Куда больше проблемой на протяжении первых столетий русской истории оставалось соседство с азиатскими степями, откуда исходила действительно смертельная опасность. Монгольское нашествие XIII века, став едва ли не последней волной Великого переселения народов в Евразии, не двинулось много западнее все той же Паннонии, зато полностью разорило земли Древней Руси. Превращение северо-восточных славянских княжеств в улус Золотой Орды разными историками трактуется как первое реальное отделение России от культурного и политического пространства Европы.

Парадоксальным образом, многие русские сегодня не боятся Европы как какой-то страшной угрозы, наоборот, считают ее слабой, иногда даже достойной сочувствия. Но при этом к европейцам, к тем, кого с древних пор называют «немцами», относятся, как правило, с пиететом, уважая их технические знания и материальное благополучие, а то и завидуя. Не последнюю роль в этом, вероятно, играет коллективная память, уходящая корнями в средневековье. Феодалы, вечно дробящиеся, воюющие друг с другом королевства и рыцарские ордена не могли представлять какой-либо реальной опасности, не претендовали всерьез на русские земли. Отдельные попытки экспансии, как хрестоматийно известная высадка небольшого отряда шведов на Неве или захват Пскова тевтонами в 1240 году, при первом же серьезном сопротивлении останавливались без продолжения. Соперничество очень быстро менялось на сотрудничество, как это произошло в отношениях Ливонии и Новгорода.

Другое дело, что на пути России в Европу лежал синдром отставания. Выйдя в конце XV века из 300-летнего ордынского ига, объединенное вокруг Москвы Российское государство по форме, конечно, напоминало централизованные монархии Западной Европы. Но с точки зрения институтов, технологий, духовной и материальной культуры оказавшаяся на пороге раннего Нового времени Московия все еще оставалась в европейском же раннем средневековье. Рыцарские и цеховые правила, магдебургское право и городские вольности, университеты и европейский гуманизм – отсутствие всего этого ставило Россию вне Европы не географически и не расово, но структурно. Примерно тогда же в Московском царстве был сконструирован первый собирательный образ Запада как пространства «неправильного» христианства, отклоняющегося от основ православного «Третьего Рима». С точки зрения этой и последующих мессианских доктрин, время от времени

охватывавших русские умы, Запад был обречен погибнуть, однако вопреки идеологическим построениям он не только продолжает существовать, но остается примером развития для всего мира, включая Россию.

Приобретение изначально отсутствовавших, но необходимых для существования и развития институтов составляет содержание российско-европейских отношений на протяжении всей истории Нового времени до наших дней, где сначала отдельные европейские страны, затем Европа как более-менее единое понятие, наконец, Запад целиком – выступают интеллектуальным и технологическим донором догоняющей России. При том, что совпадения структур не получается достичь по сию пору.

Каждый раз Россия «возвращается» в Европу, так происходит на протяжении едва ли не половины тысячелетия. При всем скепсисе в отношении цикличности истории, нельзя не обратить внимание: примерно каждые 100 лет, с конца XV века, на рубеже столетий Россия переживала волны все большей и большей европеизации собственной жизни. Сам факт образования Российского централизованного государства, правители которого в поисках легитимности власти апеллировали к европейской и даже древнеримской истории, по опыту соседних европейских государств издали законодательный статут, разделив подданных на сословия и через какое-то время начав собирать их представителей на Земские соборы – все это, как и «прилетевший» из Европы двуглавый орел, в более позднем описании выглядело именно «возвращением в Европу». Путь, увы, оказался долгим. В конце XVI-го века Борис Годунов отправил на учебу за границу первых дворян, почти на полстолетия в России установилось подобие выборной монархии, как в соседней Польше. Конец XVII века, помимо собственно, кануна петровских реформ ознаменовался первым участием России в европейском союзе против турецкой угрозы. В конце XVIII столетия были уже и Московский университет, и дворянские вольности и даже городские советы, так что выход на сцену русской интеллигенции с едва ли не первым вопросом о месте своей страны в Европе оказался вполне закономерным. В 90-е годы XIX-го века, оставаясь на дне политической реакции, Россия, тем не менее, пережила мощную волну индустриализации, когда экономические реформы графа Витте открыли дорогу западным инвестициям в экономику. В недавние «лихие 90-е» мы о таком лишь могли мечтать, но и опыт последних десятилетий для многих в России связан с бесконечным приобщением ко все новым и новым практикам, приходящим несомненно с Запада, из Европы.

Этот транзит России, занявший последние полтысячелетия, не был, конечно, линейным и бесконфликтным. Каждая волна европеизации вела к тому, что Россия начинала чувствовать в себе новые силы, и, как следствие, проявляла большие амбиций на международной арене. Подобная ситуация сама по себе не могла не вести к столкновению с другими силами – в первую очередь в соседней Европе. Каждая волна европеизации сопровождалась очередной войной, и независимо от того, чем эта война заканчивалась для России, поражением, как Ливонская и Крымская, или победой – война с европейцами заставляла у них же и учиться. Этот механизм мы наблюдаем в действии и сегодня с известными поправками на ситуацию, когда открытое военное противостояние с Западом вряд ли возможно. Уместен, однако, вопрос, как долго еще Россия будет «возвращаться», заимствуя у европейцев все больше и больше, но так и не составляя с ними целого?

Глубокое отчаяние сегодняшних российских западников, как и агрессивное мракобесие сторонников «особого пути» смотрятся особенно странно на фоне того, как на самом деле далеко зашла российская европеизация. Но чем ближе становится Россия к Европе, тем острее и болезненнее чувствуется разница. Рефлексия, начавшаяся с А. Радищева и Н. Карамзина в 1790-е годы, полвека спустя расколола русскую интеллигенцию на «западников» и «славянофилов», затянувшийся спор которых сегодня достиг, пожалуй, вершины фарса. Последние слова партии противников Европы должны были прозвучать ровно так, как они звучат сегодня, для того, чтобы все запомнили – нет ничего более пустого и бессмысленного, чем апология «особого пути» и прочие сегодняшние, какие-то уже постнеославянофильские измышления.

Меж тем, за шумом о «цивилизационных различиях», «закате Запада», «особом культурном коде», «почве» и только что не другой группе крови, скрывается простая и всем очевидная истина. Сегодня Россия не Европа, или, вернее сказать, не вполне Европа, не потому, что в ней построено недостаточно много велодорожек, а потому что все эпизодические заимствования обходят стороной то главное, что мы давно уже должны были бы перенять из повседневной европейской практики. Речь страшно сказать, о современном европейском государстве, или о демократии, как ее принято понимать сегодня на Западе и во всем развитом мире.

Российская феодальная империя, российская военно-феодальная бюрократия и российская феодально-зависимая интеллигенция на всех этапах своего существования игнорировали самое важное и самое сложное – европейскую

рационалистическую традицию понимания политики. Потому мы до сих пор не в состоянии решить задачи, элементарные для любого европейского школьника: найти баланс между свободой и законом, понять естественное происхождение равенства притязаний, признав необходимость правового равенства без исключений. Восприняв однажды демократию исключительно как «власть народа» и проигнорировав при этом принцип верховенства закона, мы, похоже, разуверились в возможности демократического правления как такового, видя в нем лишь временную стадию «отсутствия порядка» при переходе от одной тирании к другой. Не говоря уж про упорное непонимание, почему разделение властей, сменяемость правителей, независимые суды, свобода слова, соблюдение прав человека не только не ослабляют государство, но наоборот, укрепляют его как ничто другое.

Доминирующим идеалом «сильного» государства остается империя Николая I, проигравшая первую крымскую войну. В период его правления, между прочим, Россия состояла в европейском союзе. Это был Священный союз европейских императоров, сложившийся после победы над Наполеоном. Однако кончилось все взаимной обидой. Русский царь не хотел считаться с переменами, происходившими в мире, как огня боялся революций и демократии, лелеял крепостничество и укреплял «черту оседлости» — в результате потерял всякое уважение в Европе и вместо победителя стал изгоем. Как результат, поражение в большой войне, когда против России объединились практически все ведущие европейские державы.

Итак, наблюдаемый конфликт России с Западом служит побочным эффектом российской модернизации и одновременно стимулом для ее продолжения. Окончательное преодоление сохраняющегося разрыва с Европой зависит не от географии и не от прошлого, но от изменения мировоззрения российского политического класса, а также от создания современной конкурентной и правовой политической системы. Сама Европа продолжает демонстрировать примеры успешного развития в самых разных областях, базируясь на своем главном преимуществе, связанном с демократической политической структурой. Возможность построения подобной структуры остается, несмотря ни на что, и у сегодняшней России. Более того, именно сейчас наша страна, как никогда, близка к реализации исторической задачи, требующей решения вот уже несколько столетий.

Уникальность текущей ситуации заключается в том, что Европа больше не может угрожать России. Разумеется, не потому, что Европа слаба – принципиально изменилась структура ее внутренней и внешней политики. Тот Европейский Союз, с

которым граничит теперь Россия, больше не союз империй, действующих на основании принципов *real politic* XIX столетия. Это – скорее описанная у И. Канта «федерация республик», целью которой является поддержание взаимного мира не на основе подчинения и господства одних над другими, но в соответствии с принципами равноправия и защиты свободы каждой входящей в такой союз страны. [25; с. 289-290] Этот проект нельзя назвать лишенным недостатков, но несмотря на все трудности он продолжает существовать и развиваться, выступая ориентиром для всего остального мира.

В сегодняшней Европе, на долю которой пришлось едва ли не большинство войн Нового времени, трудно представить боевые действия между Германией и Францией или Германией и Польшей – то, что никого не удивило бы еще менее столетия назад. Европейская интеграция последних без малого 70 лет и собственно Европейский Союз коренным образом изменили европейскую политику и саму Европу. Основой для этого стало повсеместное установление того, что у Канта названо «республиканским способом правления». Такого внутреннего порядка, который предполагает личную свободу, верховенство закона и равенство перед ним всех граждан, разделение властей и представительную форму правления. Подобный способ правления включен ныне в обязательный стандарт, по которому европейская страна может быть отличена от неевропейской. Корень сегодняшних проблем в отношениях с Европой состоит не в воображаемой военной угрозе с Запада, а в различиях между способами правления. [23]

По-прежнему пытаюсь догнать Европу, Россия постоянно застревает в европейском прошлом, избегая ответов на давно назревшие вопросы и соответствующих направленных в будущее шагов. Сможет ли Россия осмыслить очевидные и необходимые для себя вещи? Хватит ли у нас на это исторического времени? Шанс во всяком случае остается. Очень важно не упустить момент, когда откроется очередная возможность для структурных изменений. Войти в Европу в политическом смысле слова сегодня означает стать демократией. Однажды это просто надо сделать, добившись давно требуемого результата. [24; с. 79-88]

5. Пути восстановления взаимопонимания и доверия

Нет более неподходящего времени для разговоров на тему, как достичь мира, тем более мира вечного, нежели сейчас. Особенно если рассуждать с позиций обывательского здравого смысла. Запад «наступает», ну а «мы», само собой, обороняемся. Вот уже и на высочайшем уровне фактически признано, что в войне за Крым руководство России готово использовать даже ядерное оружие. До мира ли нам теперь? Впрочем, и в каком-нибудь 1795 году рассуждать об установлении «мира во всем мире», казалось, мог только очень далекий от жизни и наивный человек. Однако свой знаменитый, давно ставший классическим трактат «К вечному миру» И. Кант написал именно тогда. [23] В тот год французские войска заняли Нидерланды, три великих державы Европы – Россия, Австрия и Пруссия – совершили последний и окончательный раздел Польши, войска иранского шаха вторглись в Закавказье и разорили Тифлис, а англичане захватили Цейлон. [25; с. 123]

Как и все философы, воспитанные эпохой Просвещения, И. Кант руководствовался принципами разума и той книжной традицией, которая была создана на протяжении столетий до него. Он прекрасно знал о существовании основного естественного закона, сформулированного в «Левиафане» Т. Гоббса [6] и понимаемого как предписанное или найденное разумом общее правило. Те, кто знает философию по учебникам, а не по классическим текстам, обычно говорят, что, будучи автором концепции войны всех против всех, Т. Гоббс будто бы считал, что миром правят зло и насилие. Это неправда хотя бы потому, что основной естественный закон «Левиафана» гласит: «Следует искать мира и следовать ему» [6; гл. 14]. И именно с этой целью каждому человеку и особенно тому, кто наделен большой властью, необходимо ограничивать собственный произвол.

В своих рассуждениях о вечном мире И. Кант — лишь последовательный ученик, выполняющий первую заповедь традиции, которой служит. Со времен Просвещения у политических мыслителей нет выбора, быть ли им на стороне мира или призывать к войне. Даже если здравый смысл, коим в равной степени обладают и таксист, и грабитель с большой дороги, не видит логических противоречий, чтобы учинить очередную «маленькую победоносную», те, кто служит законам разума, обязаны искать мира в любой ситуации. Всегда и везде, пока существует человечество. Тем более что в любом случае человеческая история движется к той

или иной форме вечного мира, независимо от наших желаний. Бросаясь перечислять и оценивать перечисляемые Кантом условия вечного мира, мы обычно забываем о том пути, который может быть пройден без всяких условий и договоренностей. Правда, и без людей.

Вечный мир, по И. Канту, может быть установлен в результате всеобщей «истребительной войны», после которой в мире попросту не останется никого, кто мог бы воевать. Это будет, несомненно, самый настоящий вечный мир. Однако человечеству уже не будет суждено его увидеть. *La pace dei sepolcri*, «мир гробниц» – так в опере «Дон Карлос» Дж. Верди описывается тот «порядок», который несла кровавая и беспощадная война испанской короны и католической церкви против восставшей за свою независимость Фландрии. [26] Кто во времена И. Канта, будь то даже сам император Наполеон, мог бы поверить в возможность полного истребления человечества в результате глобальной войны? Сегодня, увы, эта догадка разума стала очевидной и на уровне здравого смысла. Угроза ядерной войны – часть нашей повседневности. И поистине великим будет не тот политический деятель, кто будет присоединять новые земли к своей империи, но тот, кто сможет эту смертельную угрозу если не устранить полностью, то, по крайней мере, сделать меньшей, чем сейчас.

Условия вечного мира, которые предлагает И. Кант [23], выглядят не вполне реалистичными и сейчас. Даже такие, казалось бы, элементарные для нашего века, как то, что ни одно государство не должно вмешиваться в политическое устройство и управление другого. До сих пор не всякому уму понятно, почему ни одно самостоятельное государство не может быть предметом обмена, торга или раздела между другими. Еще более далекими от реальности выглядят предложения упразднить армии, отказаться от шпионажа и заказных убийств. Кое-что, однако, человечеству или хотя бы его части удалось воплотить в жизнь. Когда И. Кант пишет, что «постоянные армии со временем должны полностью исчезнуть» [23; с. 221], он в первую очередь, конечно, имеет в виду те армии, которые существовали в его историческую эпоху, т.е. рекрутские и наемнические армии абсолютных монархий. Все время наращивая свою мощь и служа постоянным вызовом друг друга, эти армии, состоявшие из подневольных или наемных исполнителей убийства, служили главной причиной недоверия между странами, равно как и порождаемых этим недоверием соперничества и войн. При этом И. Кант не имеет ничего против «добровольного, периодически проводимого обучения граждан

обращению с оружием с целью обезопасить себя и свое отечество от нападения извне» [23; с. 221]. Ровно по такому принципу – армии обороны своей страны – построены вооруженные силы и гражданская воинская обязанность в большинстве современных демократических стран Европы. Ровно по такому принципу были организованы вооруженные силы Федеративной Республики Германии после того, как в ней была проведена денацификация. Лучшим образцом кантианской армии, пожалуй, может послужить швейцарская. В ней нет большого количества постоянных воинских частей и большого воинского контингента, следовательно, вряд ли кто-то будет всерьез бояться нападения со стороны Швейцарии. Зато каждый гражданин этой страны обучен навыкам обороны, владеет оружием настолько умело и настолько решительно готов защищаться, что вряд ли кто-то захочет на богатую Швейцарию нападать.

Впрочем, армия особого, оборонительного, а не наступательного типа – лишь часть того, что можно назвать структурой или строением Швейцарской республики. Не обязательно, между прочим, называть это демократией, раз уж это слово так сильно скомпрометировано в глазах современных российских обывателей. Описывая внутреннее устройство государства, способствующее его более миролюбивой внешней политике, И. Кант, между прочим, слово «демократия» и не использовал. Куда важнее сам рациональный принцип, при котором все политические решения принимаются коллегиально, когда исполнительная власть отделена от законодательной и находится под гражданским контролем, когда первое лицо государства – лишь один из равных, временно избранный на свой пост. И когда решения принимаются не по произволу одного, будь он гений или безумный злодей, а на основании интересов граждан и закона.

Интересы могут быть разные. Можно хотеть всемирной славы и ради этого пойти на войны и разрушения. Можно маяться от тоски и, чтобы ее развеять, устроить какую-нибудь «заварушку». Взрослый, скажем так, человек, обремененный своим делом, собственностью, семьей и наделенный хотя бы толикой разума, хочет обычно простых вещей – жизни и процветания. Ни того, ни другого обычно невозможно достичь в условиях войны. Даже если эта война окажется победоносной, за нее придется платить – жизнями и благополучием людей. Вот почему государства, где граждане допущены до обсуждения и принятия решений, так неохотно начинают войны и до последнего стремятся искать мирное решение, даже когда имеют дело с кровавыми диктаторами и агрессорами вроде Гитлера. Но

пока продолжается история, силы свободы и разума будут одерживать победу над силами тьмы, какими бы могущественными те ни казались.

Путь к вечному миру, который возможен для человечества, лежит через рациональное устройство государства вместо принципа «государство – это я», через добровольное самоограничение амбиций и произвола, как на уровне отдельных людей, так и на уровне государств, через доверие вместо страха, через разоружение вместо постоянной боеготовности. Этот путь требует от человечества невероятных усилий, особенно от тех из людей, кто обременен политической властью. Увы, нельзя сказать, что этот путь не имеет альтернатив. Иной вариант – гибель человечества – однако, столь ужасен и неприемлем, что усилия поиска мира при жизни человечества необходимо продолжать. Не для того, чтобы любым способом войти в историю, но для того, чтобы наша общая история продолжалась.

Важным напоминанием об этом служат продолжающиеся мировые конфликты. В конце весны 2015 г. боевики «Исламского государства» (террористическая группировка, деятельность которой запрещена в ряде стран, в том числе в России) захватили Пальмиру в Сирии. Под угрозой уничтожения оказался уникальный памятник европейской и мировой культуры. Общий по крайней мере для всех тех стран, где уже в новое время античные колонны стали эталоном собственных архитектурных шедевров. Россия тут, разумеется, не исключение — даром что Санкт-Петербург зовется Северной Пальмирой. Так вместо торжества цивилизации XXI век несет новые непоправимые цивилизационные потери. Пока новые вандалы продолжали свое наступление практически в самой колыбели мировой истории, в той части мира, где, казалось бы, должна твориться современная история, разгоралась то ли «новая холодная война», то ли какая-то гибридная, то ли просто коммунальная склока. Это Россия и Запад выясняют, кто на кого наступает, кто кого больше обидел, кто против кого какие санкции введет... и прочий радиоактивный пепел в головах.

Р. Саква уже назвал происходящее «25-летним кризисом» [27] по аналогии со знаменитой книгой Эдварда Карра «Двадцатилетний кризис, 1919–1939: Введение в изучение международных отношений» [28], впервые вышедшей в свет в 1945 году. Аналогия столь же понятна, сколь и страшна. Проблема действительно общая — и тогда, и сейчас. За прошедшие сто лет человечество, в том числе наиболее развитая его часть, так и не сумело выработать устойчивую модель мирного сосуществования. Не сделано это вопреки всем тяжелейшим урокам. Наперекор всем

надеждам, вспыхивавшим по окончании Первой и Второй мировых войн, а также после «холодной войны» (когда, казалось бы, все уже научены раз и навсегда), мир снова все у той же черты.

Логика оправдания «ястребов» очевидна: «Это они (противоположная сторона) во всем виноваты, они наступают, скоро они будут у наших границ, — скажут мне те, кто привык считать себя реалистами. — Мы просто обороняемся от их экспансии, а для этого нам нужна сила, вот мы ее и наращиваем». Впрочем, еще Т. Гоббсу, одному из родоначальников философской традиции реализма в теории международных отношений, хорошо было известно, что грань между обороной и наступлением крайне тонка. [8] Особенно в условиях войны всех против всех, или международной анархии, как ее называют в современной политической науке. В этой международной анархии мы и пребываем сегодня, как и в фукидидовы времена. Каждый, кто имеет силы, как и тогда, ведет свое наступление — исключительно, конечно, ради обороны. Ценой же такого оборонительного наступления становится война. С той лишь существенной разницей: сегодняшняя анархия в международных делах многократно опаснее, нежели это было тогда, когда сирийская Пальмира только строилась. Так что те, кто называют себя «великими державами», уже не могут позволить себе беспечно и безответственно предаваться эгоизму.

Подлинно великие, без кавычек, силы в сегодняшнем мире могут считаться таковыми, только если сохраняют за собой миссию гарантов общемировой стабильности. Причем осуществляемой не на основе отношений подчинения и господства в условиях гегемонии кого-то одного. Подобная гегемония сегодня невозможна — это очевидно. Так, для многих наблюдателей американская гегемония оказалась под вопросом уже четыре десятилетия назад, на фоне нефтяного кризиса 1973 года и позорного поражения во Вьетнаме. Современный мир слишком сложен и многообразен, чтобы быть подчиненным из одного центра. Это и вызов, и возможность. Меж тем многие в России продолжают твердить о «вашингтонском обкоме», будучи травмированной «победой» США в «холодной войне». Этот комплекс сам по себе — большая проблема и для нас самих, и для остального мира. Да, в тот момент, когда по инициативе советской стороны, вернее лично Горбачева, был взят курс на разоружение и прекращение противостояния систем, обеими сторонами был упущен исторический шанс на построение мира. «Мира без победителей», как называл его Вудро Вильсон. Мирного союза государств, основанного не на принципах властвования одного над другим, но на защите

свободы и независимости каждого из членов такого союза, — системы международной кооперации.

Реалисты любят упрекать ратующих за «вечный мир» либералов в исторических иллюзиях и ошибках, якобы попустительствовавших Гитлеру в Европе, что привело ко Второй мировой войне. Дескать, реалист Черчилль сменил прекрасногодушного идеалиста Чемберлена, и вот тогда-то мир был спасен. Но имеем ли мы право забывать, что сами либеральные вильсоновские принципы, предложенные Версальской конференции по итогам Первой мировой войны, были не просто проигнорированы державами-победительницами, прежде всего Англией и Францией, но растоптаны в соответствии именно с реалистскими инстинктами силы и хищничества, основанными на национальном эгоизме?

Для того, чтобы вспомнить, как это произошло в первый раз, вернемся почти на столетие назад. За час до полудня 11 ноября 1918 года безмолвие осеннего леса на севере Франции было оглашено залпами десятков артиллерийских орудий. Само по себе это не было сенсацией — четвертый год в Европе шла большая война. Грохот канонады на этот раз, однако, означал нечто иное, нежели то, к чему успели привыкнуть миллионы мобилизованных. Войска «Антанты» салютовали по случаю победы над Германией 11.11 в 11.00, выстрелив 101 раз. Рано утром того же дня на железнодорожном перегоне в лесу недалеко от городка Компьен в Пикардии было подписано перемирие сроком на 36 дней. Но в итоге получилось несколько дольше, примерно 20 лет между Первой и Второй мировыми войнами.

Статс-секретарь Маттиас Эрцбергер, поставленный во главе немецкой делегации по заключению перемирия, наверняка меньше всего мечтал войти в историю в качестве человека, подписавшего капитуляцию своей страны. Справедливости ради заметим, что он также известен как один из первых немецких политиков, выступивших с осуждением геноцида армян турками в Османской империи. Вечером 7 ноября автомобиль Эрцбергера с белым флагом пересек Западный фронт, утром следующего дня в вагоне со спущенными занавесками посланник прибыл на полустанок Ретонд в Компьенском лесу. Здесь немецких переговорщиков ждали в другом вагоне — в штабном поезде главнокомандующего силами «Антанты» Фердинанда Фоша.

Так было унижено достоинство потерпевшей поражение Германии, а 20 лет спустя из несправедливых условий Версальского мира выросла будущая мировая бойня, еще большая и страшная. Строго по Канту, писавшему, что следующая война

рождается из статей мира, заключаемого между победителем и побежденным. В своих воспоминаниях британский премьер-министр Ллойд Джордж дает описание первого диалога Фоша и Эрцбергера, при встрече даже не подавших друг другу руки:

— Чего вы хотите, господа?

— Мы хотим получить ваши предложения о перемирии, — ответил немецкий представитель.

— О, у нас нет никаких предложений о перемирии, нам очень нравится продолжать войну.

— Но нам нужны ваши условия. Мы не можем продолжать борьбу.

— Ах, так вы, значит, пришли просить о перемирии? Это другое дело, — на этом месте настоящий француз, кажется, не мог не улыбнуться лукавой улыбкой. [29; с. 374]

Поражение немецкой стороны выглядело столь же досадным, сколь и сокрушительным. Но самое ужасное — для многих немцев оно оказалось совершенно неожиданным. Характерным образом немецкие дипломаты хотели войны больше, чем военные. Брестский мир, по которому большевистское правительство перечеркнуло все усилия и жертвы России в той войне, выглядел громадным успехом Берлина. И казалось, развязывал руки для наступления и окончательной победы на западном направлении, против Франции и Англии. Так что немецкие дипломатические чиновники уже всюду рисовали новую карту Европы, состоящую из разросшейся Германской империи и ее сателлитов. Не говоря уж о новых заморских колониях.

Иную реальность видели военные, как, вероятно, и все те, кто смотрел не только на географическую карту на стене, но видел положение дел собственно «на земле». Так, сданную без боя Украину мало было оккупировать, требовались силы для ее удержания. Морская блокада породила продовольственный кризис, поставив Германию на грань голода. Внутри народа, того самого фольксдойч, в массе солдат, рабочих, обывателей росло недовольство. Красная революция, казалось бы, так удачно сплавленная в plombированном вагоне в сторону противника, резонировала по всей Европе.

Краткосрочные военные успехи весны 1918 года оказались последними перед неизбежным коллапсом. Немцам банально не хватило сил. К тому же их противники, тоже истощенные войной, получили подкрепление — в последний момент на

стороне «Антанты» вступили Северо-Американские Соединенные Штаты, как их тогда называли. Американцы впервые по-крупному вмешались в европейскую и мировую политику. Это выглядело как смесь делового стиля янки-капиталиста с морализмом протестантского пастора — простые решения плюс напор, однако и изрядная доля наивности.

«Почему Иисус Христос не добился того, чтобы мир уверовал в его учение? — вопрошал американский президент В. Вильсон своих коллег, европейских лидеров. — Потому что он проповедовал лишь идеалы, а не указывал практического пути для их достижения. Я же предлагаю практическую схему, чтобы довести до конца стремления Христа». [29; с. 366-367] Знаменитые 14 пунктов В. Вильсона были опубликованы еще в начале января 1918 года, через несколько месяцев после того, как США вступили в войну. Если суммировать все «поинты», то вильсоновский план предполагал отказ от тайной дипломатии, установление свободы мореплавания и международной торговли, всеобщее разоружение, освобождение оккупированных территорий, отказ от вмешательства во внутренние дела государств, право наций на самоопределение или автономию. И главное — создание Лиги Наций, организации в целях защиты независимости и территориальной целостности всех стран мира, больших и малых. [30]

Европейцы, как англичане с французами, так и немцы, с американской декларацией на словах согласились, но на деле искали пути, как ее избежать, выгадав побольше для себя. С вожделием глядя на все ту же географическую карту, французы хотели заполучить не только Эльзас с Лотарингией, но и Саарский угольный бассейн, создав между собой и Германией независимые буферные страны. Англия и Америка с этим не спешили, понимая, что Германия может еще пригодиться как сила, гарантирующая безопасность на востоке и в центре Европы, другое дело — лишить ее мощи на море. Состоявшие в союзе с «Антантой» японцы молча рассчитывали на китайский Шаньдун. Итальянцы суетились и скандалили, премьер-министр Орландо, фамилия которого напоминала американцам о солнечной Флориде, то с шумом покидал переговоры о послевоенном устройстве Европы, то тихо возвращался с извиняющейся улыбкой, как ни в чем не бывало.

Германия все больше чувствовала себя оскорбленной. Из-за досадного проигрыша, из-за того, что страна с едва ли не лучшей промышленностью в Европе оказалась в экономической яме и нищете, из-за эгоизма и мелочности победителей, случайных и недостойных, как все больше убеждали их собственные действия. В

итоге немцы не так уж много потеряли: Эльзас и Лотарингию пришлось отдать французам, как и Данцигский коридор полякам, но, в отличие от Австро-Венгрии и Османской империи, Германия не распалась на отдельные государства и даже в новом республиканском статусе продолжила называться рейхом. При всех известных потерях были сохранены и немецкая армия, и база военно-промышленного комплекса. Дух прусской военщины отступил, ушел в тень, но не исчез, растворившись во многочисленных спортивных и молодежных клубах.

На мирной конференции в Париже, открывшейся через два месяца после Компьенского перемирия, германская сторона до последнего отказывалась признать свою одностороннюю вину в развязывании Первой мировой войны. Только ультимативное давление коалиции победителей заставило их согласиться с подобным обвинением. Однако немцы как нация своей коллективной ответственности за войну не признали, даже подписавшись под всеми пунктами навязанного им мирного договора. Хотя бы отчасти они были правы: большие войны никогда не начинается кто-то один. Тем не менее на специальном памятном камне в Компьенском лесу по-французски была высечена надпись: «Здесь 11 ноября 1918 года пала преступная гордыня Германской империи, побежденная свободными народами, которые она пыталась поработить».

Европейцы постарались побыстрее забыть большинство вильсоновских пунктов. Не говоря уже о том, что республиканское большинство в конгрессе отказалось ратифицировать предложенное президентом-демократом вступление США в Лигу Наций. Это сломило Вудро Вильсона более всего, его внешнеполитический курс был провален. Парижская конференция, как и Венский конгресс после наполеоновских войн, стала очередным торжеством европейской *real politic*. Однако мир, подписанный 28 июня 1919 года в том же самом зеркальном зале Версальского дворца, где когда-то, в 1871 году, после победы во франко-прусской войне, была провозглашена Германская империя, в исторической перспективе продлился совсем недолго. Те самые 20 лет, до 1939-го.

Глядя на так называемую Версальскую систему, вслед за И. Кантом и К. Марксом можно уверенно сказать, что любой мир, заключенный на условиях победителей, есть лишь перемирие до тех пор, пока проигравшие не соберут силы для реванша. 22 июня 1940 г. в том же Компьенском лесу нацисты устроили демонстративное подписание акта капитуляции захваченной ими Франции. По приказу Гитлера мемориальный вагон, где находилась ставка маршала Фоша, был

доставлен в Берлин в качестве трофея, а потом сожжен. Сгоревшими, погибшими оказались десятки миллионов жителей Европы. Пока неумный «рейх» не был повержен окончательно.

Честолюбие, писал К. Кант, служит едва ли не главной причиной войн [25]. История Компьенского леса учит нас, что вдвойне опасно для мира честолюбие уязвленное, помноженное на чувство несправедливости. Ведет это только к новым жертвам и еще большему унижению. Так было унижено достоинство потерпевшей поражение Германии, а 20 лет спустя из несправедливых условий Версальского мира выросла будущая мировая бойня, еще большая и страшная. Строго по Канту, писавшему, что следующая война рождается из статей мира, заключаемого между победителем и побежденным.

Впрочем, от проигравших тоже кое-что зависит. «Вместо того чтобы — там, где сама структура общества породила войну, — как старые бабы, искать после войны «виновного», следовало бы по-мужски сурово сказать врагу: «Мы проиграли войну — вы ее выиграли. С этим теперь все решено: давайте же поговорим о том, какие из этого нужно сделать выводы в соответствии с теми деловыми интересами, которые были задействованы, и — самое главное — ввиду той ответственности перед будущим, которая тяготеет прежде всего над победителем» — это слова из знаменитой работы Макса Вебера «Политика как призвание и профессия», вышедшей в том же 1919 году, когда был заключен Версальский мир. [30; с. 519] Слова эти были обращены в первую очередь к немцам. Увы, теперь мы знаем, что в последующие 20 лет у Германии не нашлось мужества в его веберовском понимании, а новое поражение оказалось еще более тяжелым.

Нет смысла отрицать, что и 25 лет назад, по итогам «холодной войны» между США и СССР, одним не хватило мудрости, чтобы избежать соблазна объявить себя «победителями» и не начать действовать в старой гегемонистской парадигме, а другим — мужества, чтобы признать, что война с остальным миром окончена поражением коммунистической утопии и новой войны искать бессмысленно. Так с обеих сторон была проигнорирована и предана идея нового политического мышления и ненасильственного мира, ради которых было остановлено противостояние систем.

«Мы подошли к такому рубежу, когда неупорядоченная стихийность заводит в тупик, — сказал М.С. Горбачев, выступая на Генеральной Ассамблее ООН в 1988 году. — Мировому сообществу предстоит научиться формировать и направлять

процессы таким образом, чтобы сохранить цивилизацию» [33]. Собственно, те же самые слова можно повторить и сегодня, только с еще большей тревогой. Что стоит на кону, более или менее ясно. Не российская и не западная, а наша общая цивилизация. Взятие Пальмиры — всего лишь еще один символический сигнал западному миру, России и всему человечеству.

События осени 2015 г. на сирийско-турецкой границе хорошо иллюстрируют давние дебаты, идущие среди исследователей международных отношений уже почти столетие. Спор этот возник среди ученых вскоре после окончания Первой мировой войны, вокруг него фактически сложились две главные традиции в описании и объяснении мировой политики. Одна из спорящих сторон, именуемая реалистами, идя вслед за Фукидидом и Т. Гоббсом, видит на международной арене прежде всего столкновение интересов, вечную войну всех против всех, где гарантией относительного мира и безопасности служит баланс сил наиболее крупных игроков.

Оппоненты реалистов, которых принято называть идеалистами или либералами, со своей стороны пытаются найти условия для достижения мира, чуть более прочного, чем передышка между бесконечными войнами. То ли за счет международного права и регулирующих институтов, как впервые еще в XVII веке предложил Г. Гроций, то ли путем замены «духа войны» на «дух торговли», как предлагали И. Кант и А. Смит, можно достичь такого порядка, когда войны потеряют всякий рациональный смысл. В это верят либералы.

Реалисты упрекают их в том, что проект «вечного мира» хорош, наверное, для далекого будущего, вот только в настоящем ничего подобного не наблюдается, а потому, чтобы избежать войны, лучше иметь побольше силы, чем идеалистических планов. Нетрудно догадаться, на чьей стороне последние новости. Причем не только сейчас, а почти всегда. Даром что реализм был и остается основной теоретической рамкой, на которой десятилетиями строилась внешнеполитическая доктрина такого мощного мирового актора, каким все еще остаются Соединенные Штаты.

Впрочем, нельзя сказать, что аргументы либералов совсем не имеют значения. Временами казалось, что развитие свободной торговли, равно как и свободное движение капитала, делают мир более взаимозависимым и прагматичным. Что международные организации, равно как и торжество принципов свободы во многих странах, приближают нас к заветному идеалу мира без войн. Подобные ожидания, надо сказать, неизменно возникали после больших конфликтов: по окончании Первой мировой войны и Второй, потом после падения Берлинской стены. Каждый

раз, однако, эйфория либеральных ожиданий сменялась очередным разочарованием. И возвращался реализм.

Похожую ситуацию мы наблюдали полгода назад. Россия и Турция на протяжении последних десятилетий стали значимыми экономическими партнерами друг для друга. Осложнение отношений, а то и разрыв принесет немалые потери обеим сторонам. Однако ж самый, казалось бы, рациональный, денежный аргумент не стал препятствием для откровенно враждебного шага с турецкой стороны. Ответные шаги не заставили себя ждать.

Либеральный меркурианский дух в который раз проиграл огню Марса. Выходит, не всякая торговля способствует миру, в особенности если это нелегальная торговля нефтью. К тому же не сработали ни международное право, ни призванные его хранить институты. «Турция вправе защищать свои границы, как и любая другая страна» — все, что мы можем услышать про право сегодня на уровне Белого дома и НАТО. Союз с Североатлантическим альянсом обеспечивает туркам поддержку и защиту, как любой военный союз во все времена, будь то Четвертной союз или Антанта. Но такой союз, такие институты никогда не ведут к миру, обычно наоборот. Будучи членом евроатлантического сообщества, Турция на этот раз, кажется, не пожелала учитывать мнение тех своих союзников, кто в последние недели и дни согласился пойти на поиск вариантов сотрудничества и совместных действий с Россией против джихадистов в Сирии. Дух эгоизма восторжествовал над духом сотрудничества. Так в очередной раз проявила себя не прекращающаяся международная анархия.

То, что так долго и с таким пафосом именовали «мировым порядком», оказалось лишь хрупким равновесием, достигнутым на мгновение истории. Стоило подуть новым ветрам, и видимость «порядка» исчезла, как мираж в сирийской пустыне. Меж тем порядок действительно существовал какое-то время. Только описывать его лучше все-таки в терминах реализма, а не либерализма. В послевоенный период в мире сложилось состояние, которое многие представители реалистического направления именуют «гегемонистской стабильностью». Сразу после войны в мире господствовала на самом деле лишь одна сила — это были США. Второй силой, особенно по достижении паритета в вооружениях, оказался СССР — экономически послабее, но с трудно оспоримой гегемонией в значительной части мира. Эти силы угрожали друг другу и одновременно так или иначе

выстраивали под себя остальной мир, гарантируя своей мощью его относительную стабильность.

Не последнее значение для подобного рода стабильности играли настроения умов. В особенности среди элит с обеих сторон. Как бы ни относились друг к другу Хрущев и Эйзенхауэр, Брежнев и Никсон, Горбачев и Рейган, правящие круги обеих стран, военные и дипломаты, прекрасно помнили, что такое большая война.

Военному и послевоенному поколениям в Америке, Европе и России было крепко привито представление о мире как о высшем, абсолютном и универсальном общественном благе. Это убеждение, вкупе с двусторонним балансом сил и угроз, позволяло находить компромиссные решения и в моменты Берлинского и Карибского кризисов, и позднее, в периоды разрядки, вплоть до самого конца «холодной войны».

Основой этого порядка на институциональном уровне была призвана служить Организация Объединенных Наций (ООН), 70-летие создания которой мир отмечал в 2015 году. Такого представительного международного политического форума мир не знал никогда ранее. 25 июня 1945 года, оперный театр Сан-Франциско собрал без малого девять тысяч человек. 850 собственно делегатов конференции из 50 стран, три с лишним тысячи членов делегаций, референтов и технических сотрудников, две с половиной тысячи журналистов, и еще около трех тысяч зрителей. Шло последнее, десятое по счету пленарное заседание. На повестке – голосование за Устав новой организации. Позади два месяца напряженной работы, согласование и правка сотен пунктов и нюансов, противоречия и дебаты. В какой-то момент, казалось, договориться невозможно, и делегаты разъедутся по домам ни с чем. Помог старый английский принцип: каждое решение обсуждалось коллегиально, с участием представителей всех заинтересованных сторон, решение принималось только, когда с ним были согласны все или абсолютное большинство. Работу над сложным и многосоставным текстом Устава поделили между комитетами, где денно и нощно кипела работа с участием всех делегаций, пленарные заседания фиксировали итоги дебатов.

Наконец, настал час главного голосования. «Мы никогда в жизни не примем более важного решения», – сказал лорд Галифакс, представляя окончательный проект Устава. Учитывая масштаб и значение происходящего делегатам в момент голосования предложили не поднимать руку, а встать с места. В огромном зале оперы со своих мест поднялись не только официальные представители стран, но все

присутствующие, включая журналистов и гостей. Так «объединенные нации» приняли устав своей организации.

Поражает скорость, с которой была сделана вся работа, вопреки, казалось бы, любым роковым обстоятельствам. Решение о созыве конференции было принято 11 февраля на встрече Рузвельта, Черчилля и Сталина, в Ялте. Приглашения были отправлены 5 апреля. Сначала хотели пригласить 46 стран антигитлеровской коалиции, но потом к ним добавились еще четыре – Аргентина, Дания и, по просьбе Сталина, Белоруссия и Украина.

Участие двух последних не было чем-то неожиданным, для колониального мира, который все еще существовал на момент окончания Второй мировой войны. В Сан-Франциско пригласили находившиеся под протекторатом США Филиппины, еще британскую Индию, формальные доминионы Англии – Канаду, Новую Зеландию, Австралийский и Южноафриканский Союзы. Разумеется, независимость под Сталиным была фикцией, но ведь формально Украина и Белоруссия уже тогда обладали своей конституцией, правом выхода из СССР и даже собственными внешнеполитическими ведомствами. Представлявший Украину, нарком иностранных дел республики, старый большевик Мануильский руководил комитетом по подготовке первого раздела «Цели и принципы» Устава ООН. В Сан-Франциско мир узнал о себе больше, открыв для новые страны и народы, которые в дальнейшем сумели выйти из колониальной зависимости и стать самостоятельными. Пока же американская пресса, со слов республиканского наркоминдела Киселева, усвоила, что Белоруссию не надо называть White Russia.

Тяжелым ударом незадолго до открытия конференции стала кончина президента Франклина Рузвельта, именно он придумал название «объединенные нации». Но конференцию решили не откладывать. 25 апреля в Сан-Франциско открылось приветственное пленарное заседание. Стоит, однако, заглянуть немного назад, чтобы понять, чего стоил путь, проделанный миром в предшествующие несколько лет.

Идея Организации Объединенных Наций, нашедшая свое окончательное воплощение в июне 1945 года, парадоксальным образом берет свое начало в июне 1941-го. В страдающем от налетов немецкой авиации Лондоне, где на тот момент находилось девять европейских правительств в изгнании, последнем бастионе свободного мира в тогдашней Европе. За плечами почти два года неудачной войны, весь континент занят наци, Сталин и Гитлер формально еще союзники, хотя до

начала войны между ними осталось чуть больше недели, «Люфтваффе» безжалостно бомбит английские города и транспорты в Атлантике, остров рискует оказаться в изоляции от мира, без возможности получать жизненно необходимую помощь от союзников из США. И вот в этом самом осажденном Лондоне союзники по борьбе с Гитлером, ни секунды не сомневаясь в будущей победе, решили заняться планированием послевоенного мироустройства. Великобритания и доминионы, девять европейских стран, которых, казалось, больше нет на карте, собрались 12 июня 1941 года в Сент-Джемском дворце Лондона для подписания декларации о будущем послевоенном устройстве: «Единственная верная основа прочного мира это — добровольное сотрудничество свободных народов в мире, в котором, освободившись от угрозы агрессии, все могут пользоваться экономической и социальной обеспеченностью; для достижения этой цели мы намерены работать сообща, совместно с другими свободными народами как во время войны, так и во время мира». Еще два месяца спустя, 14 августа, Рузвельт и Черчилль подписали Атлантическую хартию с намерением продолжать войну против нацизма, оказывать помощь всем сражающимся против нацизма странам и нести ответственность за сохранение мира в будущем. В самом начале января 1942-го, представители 26 стран, включая Советский Союз и Китай, фактически присоединились к Атлантической хартии, подписав Декларацию Объединенных Наций, вместе с Ираном, Ираком, Сирией, Венесуэлой и многими другими.

Быть независимой страной значит стремиться к мирному сосуществованию, свободе, справедливости и всеобщему благополучию. Быть великой державой значит, прежде всего, способствовать миру и быть гарантом миропорядка без войн и захватов, сдерживая эгоистические порывы, свои собственные и других. Такова идеология будущей ООН, идеалистически-либеральная и вместе с тем единственно возможная, если человечество и цивилизация хотят существовать и развиваться в дальнейшем. Чем ближе к победе, тем эта идея становилась все более похожей на реальность. В октябре 1944-го в частном особняке Думбартон-Оукс в Вашингтоне четыре державы, состоящих в антигитлеровской коалиции — США, Соединенное Королевство, СССР и Китай — выработали план создания новой организации и ее предполагаемую структуру. «Четверо полицейских», как называл их Рузвельт, этим странам предстояло взять на себя миссию гарантов установленного мира. Чуть позднее к ним присоединится и освобожденная от гитлеровцев Франция.

Всем пятерым державам-победительницам предстояло стать постоянными членами Совета Безопасности ООН. Полномочия и порядок работы Совета, включая право вето для постоянных членов, определился в Ялте. И если что-то сегодня и можно назвать «ялтинской системой», так это не пресловутый раздел сфер влияния в мире, а именно членство и господство в Совбезе пяти стран, включая правопреемницу СССР Россию. На самой конференции в Сан-Франциско право вето вызвал вопросы со стороны малых стран – не станет ли оно инструментом отстаивания корысти и экспансии больших мировых сил. Тогда их уверили в обратном – великие державы, только что спасшие мир о нацистского чудовища, ручались своим словом. Однако и сегодня, организация «Международная амнистия» (Amnesty International) призывает постоянных участников СБ ООН, если не отказаться от права вето совсем, то хотя бы не применять его в голосовании по вопросам, связанным с обвинениями в массовых убийствах мирного населения и геноциде, как это сделала Россия, воспрепятствовав международному вмешательству в сирийский кризис и трибуналу над режимом Башара Асада. Точно также Россия заблокировала осуждающую резолюцию по Крыму – в 1945-м в мире никто не мог себе представить, что какая-либо из стран, победивших Гитлера, сама займется решением территориальных вопросов в духе старой, но совсем не доброй *real politic*.

Со времен И. Канта лучшие интеллектуалы мира мечтали о заключении «вечного мира» без войн. И уже И. Кантом на уровне теории были сформулированы основные его параметры. Чтобы не воевать, народы должны, во-первых, заключить такой мирный договор, который не сможет стать причиной последующих войн. Для того, чтобы пойти на такой мир, государства, прежде всего, должны измениться внутри себя. Стать свободными и демократическими, когда решения принимаются не по произволу одного, а на основе разделения властей и с участием равноправных граждан. Свободные страны не отказываются от национальных интересов, но совершенно иначе их понимают – как процветание и долгую жизнь своих граждан. С войной такие интересы, как правило, несовместимы. Поэтому, достигнув демократии, страны начинают хотеть от внешнего мира совсем иного – доверия и сотрудничества ради всеобщего блага. При этом каждая страна по-прежнему остается независимой, не отказывается от суверенитета, но лишь ограничивает его в том плане, что обязуется не устраивать массовый террор и голод на своей территории, не ведет захватнических войн и не желает господства над другими.

Сообщество «объединенных наций», Кант назвал его «мирным союзом» и «федерацией республик», нельзя называть всемирным государством, поскольку такой союз создается не для подчинения одних другими, а для сотрудничества во имя сохранения свободы, самостоятельности и уникальности каждого. [23]

В преамбуле Устава ООН говорится о решимости создателей организации «вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций». [33] Речь, однако, шла не столько о восстановлении, сколько о принципиально ином качестве. До второй мировой войны права человека оставались вопросом, находившимся в исключительном ведении суверенного государства, каждое из которых в сущности по собственному произволу выбирало, как ему вести со своими гражданами или подданными. Но после того, как миру стало известно о всей чудовищности масштабов преступлений, совершенных нацистами против человечности, о миллионах жертв Холокоста в Европе, права человека превратились в интернациональную проблему. После Освенцима политика в области прав человека не могла больше оставаться сугубо внутренним делом того или иного государства. Одним из первых важнейших принятых ООН нормативных документов стала «Всеобщая декларация прав человека» 1948 года, международный билль о правах, включавший право на жизнь, личную свободу, собственность, равенство перед законом, неприкосновенность частной жизни, презумпцию невиновности, политические и религиозные убеждения, участие в управлении своей страной, достойные условия труда и т.д. В отличие от существовавшей ранее Лиги наций, защита прав человека с самого начала оказалась одним из приоритетов в деятельности ООН. В структуре организации действует Управление Верховного комиссара по правам человека, в прерогативы которого также входит предотвращение преступлений, связанных с геноцидом, защита малых народов и поощрение демократических свобод. Нарушение прав человека – повод для международного вмешательства, от экономических санкций, как это было в отношении ЮАР времен апартеида, до военного вмешательства, как во время резни в Руанде.

«Мы одержали победу над самой войной», – сказал президент Г. Трумэн сразу после подписания Устава ООН [34]. Но тут же оговорился: это произойдет, только если «все народы мира преисполнятся решимости его осуществлять». В противном случае неизбежно предательство идеала мира без войн, очередное

торжество эгоизма над разумом. Увы, и 70 лет спустя, мир, где по-прежнему немало диктаторов и агрессоров, все еще далек от идеала, казавшегося достижимым на пепелище двух мировых войн, выпавших на долю одного поколения. Нельзя, однако, сказать, что все закончилось полной неудачей. Несмотря на все противоречия и конфликты, все эти десятилетия человечество ухитрилось не повторить большой войны. ООН стала неплохим институтом сдерживания глобального конфликта, особенно в период минувшей холодной войны. Несмотря на критику реалистов Организация Объединенных Наций остается лучшим институтом регулирования международных отношений из тех, которые когда-либо были придуманы. При этом наиболее сильные государства мира не отказались от взятой на себя миссии предотвращения и наказания агрессии, равно как защиты свободы и прав человека. Те же, кто предал идею «вечного мира», все сильнее рискуют лишиться статуса великой державы. Вместо 50 основателей в ООН входит уже 193 независимых государства, среди которых с каждым десятилетием все больше и больше демократий.

Появление новых государств на месте колониальной системы и, как следствие, изменение конфигурации сил в мире привело к тому, что описанный порядок начал уходить. Постепенно и незаметно, еще со времен Вьетнамской войны и первых нефтяных кризисов стали терять свою гегемонию Соединенные Штаты. Потом внезапно рухнул Советский Союз. Более чем за десятилетие до этого основатель школы структурного неореализма Кеннет Уолц предсказал неизбежное появление новых сверхдержав на международной арене. Прогноз этот появился куда раньше, чем мир смог разглядеть сегодняшний Китай.

Прежняя гегемонистская стабильность стала рассыпаться, уступая место очередной волне анархии. Что еще менее привычно, в современном постколониальном мире возникли и стали заявлять о себе силы, не обладающие мировой мощью, но вполне ощутимые на уровне отдельных регионов. Такие страны давно способны вести свою игру, балансируя на противоречиях между теряющими прежнее влияние глобальными игроками. Ближний Восток, пожалуй, лучший тому пример. Саудовская Аравия и нефтяные монархии Персидского залива, государство шиитской «исламской революции» Иран, управляемый светскими военными Египет, наконец, все более исламизирующаяся, все дальше уходящая от светских республиканских принципов Ататюрка и все сильнее тоскующая по бывшей

Османской империи Турция — вот тот поистине клубок змей, который становится тем более опасен, чем слабее становятся старые мировые силы.

Происходящее в Сирии беспрецедентно, пожалуй, со времен Первой мировой войны. Все-таки во Вторую мировую, несмотря на все системные противоречия между Востоком и Западом, взаимные обиды и претензии, несопоставимые с нынешними, Москва и англосаксонский мир сумели в итоге договориться о совместных действиях. Тогда, согласно весьма, по-моему, удачной метафоре Франклина Рузвельта, будущее мира, дело его спасения оказалось в руках «четырех полицейских». Напомним, это были США, Россия, Великобритания и Китай. Спрашивается, вроде бы все эти «полицейские» есть в наличии и сейчас. Почему же не могут договориться? Почему не действуют сообща? Неужели не хватает реализма Черчилля вкупе с идеализмом Рузвельта? Многие сейчас задаются вопросом: «Будет ли Третья мировая война?» Звучит провокационно, безответственно и наивно одновременно. В понимании реалистов, война давно идет. Более того, она шла всегда, на протяжении всей истории человечества. Это не война ушедшего XX века, та — война коалиций и блоков, которую мы знаем по фильмам и литературе. Нет, это война всех против всех, собственно, международная анархия, как она есть. Получить удар в спину в такой войне — дело, хотя и крайне неприятное, но, увы, совсем, не удивительное, можно сказать, рядовое. Куда сложнее из такой войны выйти.

Печальным образом современный мир демонстрирует регресс. Особенно в том, что касается регулирования международной политики, построения систем безопасности и добрососедства. Новое столетие, ясно вступившее в свои права, в этом плане не приносит хороших новостей, почти исключительно плохие и очень плохие. Сумеет ли человечество, вернее — сохраняющие остатки могущества старые великие державы и спешащие вступить в их клуб новые силы, найти новую конфигурацию стабильности? Теперь уже вряд ли подобная система сможет держаться на гегемонии кого-то одного — нужны коллективные решения, компромиссы, договоренности. Реалистам и либералам есть, о чем поспорить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Тренин, Д. Post-imperium: евразийская история. / Д. Тренин. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2012. – 326 с.
- 2 Богатуров, А.Д. История международных отношений. 1945-2008. / А.Д. Богатуров, В.В. Аверков. – М.: Аспект-Пресс, 2012. – 520 с.
- 3 Kissinger, H. Diplomacy. / H. Kissinger. – NY.: Simon and Shuster, 1994. – 425 p.
- 4 70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. Владимир Путин принял участие в пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. // Президент России. События. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>
- 5 Remarks by President Obama to the United Nations General Assembly. United Nations Headquarters, New York, September 28, 2015. // The White House. President Barack Obama. Speeches and Remarks. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/09/28/remarks-president-obama-united-nations-general-assembly>
- 6 Гоббс Т. Левиафан / Пер. А. Гутермана. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 2001. – 478 с.
- 7 Локк, Дж. Два трактата о правлении. // Локк, Дж. Сочинения: В 3 т. – Т. 3. / Дж. Локк. – М.: Мысль, 1988. С. 137–405.
- 8 Studin, I. Governing in the Ex-Soviet Space. / I. Studin // Global Brief. November 11, 2013
- 9 Тренин, Д. Внутренний контур внешней политики. // Ведомости, 9 декабря 2015 г.
- 10 Hobsbaum, E. Age of Extremes. The Short Twentieth Century. 1914-1991. / E. Hobsbaum. – London: Abacus, 1997. – 864 p.
- 11 Жарков, В. Россия и новый тревожный мир. // Новая газета, 14 декабря 2015 г.
- 12 Dunne, T. Inventing International Society: A History of the English School. / T. Dunne. – Houndmills: Macmillan, 1998. – 476 p.
- 13 Dunne, T., Kurki, M., Smith, S. International Relations Theories. Discipline and Diversity. / T. Dunne, M. Kurki, S. Smith / Second Edition. – NY.: Oxford University Press, 2011. – 365 p.
- 14 Wight, M. International Theory: The Three Traditions. / M. Wight. – Leicester: Leicester University Press for the Royal Institute of International Affairs, 1991. – 582 p.

- 15 Bull, H. The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics. / H. Bull. – London: Macmillan, 1977. – 746 p.
- 16 Manning, Ch. The Nature of International Society. / Ch. Manning. – London: G. Bell and Sons, 1962. – 526 p.
- 17 Bull, H. The Expansion of International Society. / H. Bull, A. Watson. – Oxford: Clarendon Press. – 335 p.
- 18 Каплан, Р. Месть географии. / Р. Капан. – М.: КоЛибри. Азбука-Аттикус, 2015 – 384 с.
- 19 Жарков, В. Фейк геополитики. // Новая газета, 22 ноября 2014 г.
- 20 Пастухов, В. Осадная ошибка. // Новая газета», 29 сентября 2014 г.
- 21 Медведев, С. Соблазн геополитики. // Новая газета, 3 октября 2014 г.
- 22 Гордин, Я. Меж рабством и свободой. / Я. Гордин. – СПб.: Лениздат, 1994. – 280 с.
- 23 Кант, И. К вечному миру. / Пер. А.В. Гулыги. // Кант, И. Собрание сочинений в 8 т. Т. 7. / И. Кант. – М.: Мысль, 1989. – С. 216-314.
- 24 Жарков, В.П. Россия и Европа. Необходимый и неизбежный выбор // Общая тетрадь. Вестник Московской школы гражданского просвещения. - 2015. - №4. - С.79-88.
- 25 Российская и мировая история в таблицах. / Автор-составитель Ф.М. Лурье. – СПб.: Каравелла, 1995. – 254.
- 26 Don Carlos. Opera Libretti. Atto Secondo. // Naxos Records. URL: http://www.naxos.com/education/opera_libretti.asp?pn=&char=all&composer=verdi&opera=don_carlos&libretto_file=Italian/Act%20II.htm
- 27 Sakwa, R. Reflections on Post-Cold War Order. // European Leadership Network. 2015. URL: <http://www.europeanleadershipnetwork.org/medialibrary/2016/04/05/c160c5ab/ELN%20Narratives%20Conference%20-%20Sakwa.pdf>
- 28 Carr, E. H. The 'Twenty Years' Crisis, 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations. / E.H. Carr. – NY.: Palgrave, 2001. – 450 p.
- 29 История дипломатии. / Под. ред. В.П. Потемкина. – М.-Л.: ОГИЗ, 1945. - Т. 2. – 424 с.
- 30 Wilson's Fourteen Points. // American Treasures of the Library of Congress. URL: <http://www.loc.gov/exhibits/treasures/trm053.html>

- 31 Вебер, М. Политика как призвание и профессия. / Пер. А.Ф. Филиппова. / Вебер, М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. / М. Вебер. – М.: РОСПЭН, 2006. – С. 485-528.
- 32 Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (7 декабря 1988). // Радио ООН. Голоса истории. URL: <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/60834/>
- 33 Устав ООН. // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html>
- 34 1945: Конференция в Сан-Франциско. // Организация Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/ru/sections/history-united-nations-charter/1945-san-francisco-conference/index.html>